

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ЦИКЛАХ ОЧЕРКОВ Н.М. СОКОЛОВСКОГО
«ОСТРОГ И ЖИЗНЬ (ИЗ ЗАПИСОК
СЛЕДОВАТЕЛЯ)» (1866) И А.П. ЧЕХОВА
«ОСТРОВ САХАЛИН. ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК»
(1891 – 1893)**

Галина Александровна Шпилева

Россия, Воронеж
19alex04@mail.ru

Ольга Алексеевна Горбачевич

Россия, Воронеж
goa696@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности итеративного и сингулятивного повествования в произведениях Н.М. Соколовского и А.П. Чехова. Присутствие итератива обусловлено самими названиями («записки», «путевые записки»), однако вкрапления сингулятивных фрагментов, а также синтетических нарративных образований вносят коррективы в общую повествовательную картину. Сравнительный анализ двух очерковых циклов позволяет уточнить направленность авторских стратегий.

Ключевые слова: Соколовский, итератив, сингулятив, Чехов, смешанные формы повествования.

**ABOUT THE FEATURES OF THE NARRATIVE IN THE CYCLES OF
ESSAYS "OSTROG AND LIFE (FROM THE NOTES
OF THE INVESTIGATOR)" (1866) BY N. M. SOKOLOVSKY
AND "SAKHALIN ISLAND. FROM THE TRAVEL NOTES"
(1891 – 1893) BY A. P. CHEKHOV**

Galina Alexandrovna Shpilevaja

Russia, Voronezh
19alex04@mail.ru

Olga Alexeevna Gorbacevich

Russia, Voronezh
goa696@mail.ru

Adnotation. This article discusses the features of iterative and singulative narrative in the works of N. M. Sokolovsky and A. P. Chekhov. The presence of the iterative is due to the names ("notes", "travel notes"), but the inclusions of singulative fragments and synthetic narrative formations make adjustments to the overall narrative picture. A comparative analysis of the two cycles of essays allows to clarify the directions of the author's strategies.

Keywords: Sokolovsky, iterative, singulative, Chekhov, mixed forms of narrative.

Под итеративным высказыванием в литературоведении В.И. Тюпа понимает повествование о «регулярных действиях» [Тюпа 2016: 8], указывающих на нечто повторяющееся и типичное. Ж. Женетт предлагает для этого типа повествования формулу $nП/1И$ («излагать один единственный раз (или за один единственный раз) то, что произошло n раз»). Данный вид повествования может преобладать в очерковой литературе, ориентированной на изображение *факта*. Сингулятив ($1П/1И$ – «излагать один раз то, что произошло один раз» [Женетт 1998: 355]) играет важную роль в таком жанре художественной литературы, как психологический роман (имеется в виду классический русский роман второй половины XIX), и это «такая форма повествования, когда единичность нарративного высказывания соответствует единичности излагаемого события» [Там же]. Ж. Женетт эту форму повествования считает «самой распространенной» [Там же]. Сингулятив (один из его видов) также может обозначаться формулой $nП/nИ$ – рассказать много раз о том, что произошло неоднократно.

Само название произведения Н.М. Соколовского «Острог и жизнь (Из записок следователя)» готовит читателя к тому, что будет преобладать итеративное повествование: профессиональный юрист (автор окончил курс на юридическом факультете Казанского университета) в своих «записках» изложит то, что наблюдал множество раз, проводя расследования, допросы или просто беседуя с преступниками. Однако первая позиция в заголовке («Острог и жизнь») указывает на то, что *жизнь* может содержать и единичные события, поэтому добавится и сингулятив, а также формы синтетические («псевдосингулятив» (термин наш – Г. Ш. и О. Г.), «псевдоитератив»).

С самого начала (в форме краткого предисловия) в тексте преобладает итеративное повествование, маркированное следующим образом: «всем», «у всех», «для каждого», «привычка», «несколько раз» [Соколовский 1866: 3, 4] и пр. Однако автор-следователь стремится заинтересовать читателя-современника (которому важны результаты реформы судопроизводства, разработанной в 1861 – 1863 гг. и утвержденной в 1864 г.), поэтому используется ряд тропов (сравнения), которые добавляют эмоций, и мы в итоге получим «псевдосингулятив». *Сравнение* называют *социально* окрашенным тропом, так как оно всегда указывает на определенное *время* и *место*, а также сопоставляет (проясняет) менее привычное (А) через более известное (Б). Следователь (А) сравнивается с анатомом (Б), и деятельность второго в данном случае более известна, нежели роль юриста в новых социальных условиях (пореформенное время). Используя устоявшуюся метафору «жизнь – театр», Соколовский сравнивает «подмости» (А) и «действительность» (Б), в данном случае в рамках пенитенциарной системы. Писатель как будто хочет выйти из итератива, при этом оставаясь в его рамках (сказывается бахтинский термин «память жанра», здесь – очерка): «... Перед вами – театр, подмости <...> перед следователем – жизнь, неподдельные страдания, изуродованный, но не подкрашенный

человек» [Соколовский 1866: 4]. Встречаются и эпитеты, повышающие накал страстей, о которых будет поведано на 513 страницах цикла очерков (многочисленные истории преступлений и судеб преступников чередуются со «словом» автора-очеркиста, подводящего итоги, делающего выводы о детерминизме, нравах, быте и пр.): «Драмы, нередко потрясающие, окрашенные кровавым цветом» [Там же] (курсив наш – Г.Ш., О.Г.).

При описании конкретного человека, вора (Драгунова), автор балансирует между индивидуализацией черт (что чаще требует сингулятива) и типичностью преступлений из-за крайней бедности (итератив): «Три раза мне один и тот же вор попадался: молодой малый, из дворовых, по фамилии Драгунов» [Там же]. Писатель рассказывает о том, что это *типичный* «дворовой» (таковых много), «псарь», которого с детства учили обслуживать охоту и застолья охотников, не привив никаких других профессиональных навыков, а затем выгнали «на волю». Ветхое жилище вора описано детально, но все же подчеркнуто, что в овраге было *несколько* столь бедных лачуг (повторяющееся, типичное явление, о котором будет идти речь много раз). Смешанная форма повествования (здесь – «псевдосингулятив»), на наш взгляд, помогала не оттолкнуть массового читателя от скучной, а порой и пугающей «моральной статистики», увлечь его эмоциональным рассказом.

В соколовских очерках есть и сингулятивные фрагменты, то есть повествование о единичном, встретившемся однажды и рассказанном один раз, но писатель (не желая прослыть беллетристом!) сразу же приводит доказательства того, что перед нами явление типичное, массовое и, вероятно, часто встречающееся. Так строится рассказ о нетипичном бродяге по прозвищу «Мамзель» (молодом человеке с хорошими манерами и изрядно образованном): «Мамзель оказался сыном уездного стряпчего и бежал из отцовского дома с целью узнать, в действительности, как живет народ вообще и отдельные члены его, по острогам в особенности» [Соколовский 1866: 443]. Об этом юноше можно было создать отдельный рассказ («вставную новеллу»), так как автор считает его «самородком» и человеком исключительным, но в рамках документального очерка это было бы неуместно, и маркеры «вообще», «народ», «по острогам» указывают на итератив (на самом деле это «псевдоитератив», так как такие юноши нечасто встречались этому следователю (судя по его реакции), хотя мы знаем реальные и литературные истории о людях, оставивших благополучные семьи и комфорт, отправившихся «в народ»). Отметим, что от беллетристики Соколовский «открещивается» достаточно часто, например, описывая закоренелого преступника Чапурина, писатель подчеркивает, что он «никак не походил на тех героев, которыми мы привыкли угощаться во французских мелодрамах» [Там же: 144].

Итеративные фрагменты, безусловно, являются самыми частыми в рассматриваемых очерках, и ярким примером будут размышления о жизни *бродяг*, детерминированных социальными условиями.

Суть явления и «его типичный характер в лице «непомнящих родства» – дошли и до наших дней; все эти Чудилы, Ходоки, Иваны «непомнящие родства», Таньки-Придорожницы, Маньки-Кочкарницы и проч. по прямой, нисходящей линии происходят от тех, кого горькая доля целыми массами выгоняла из родных мест, от тех, кто впервые вздумали и привели в исполнение свою скорбную угрозу «врозь брести»» [Там же: 481] – сообщает автор. Далее, подчеркивая исторически значимые причины бродяжничества на Руси, автор делает ценные замечания о явлении «брести розно», противостоящем «единству нации», «общине», «крестьянскому миру» и пр. Здесь итератив выполняет свою главную функцию: обобщенно поведать о типичности явлений, судеб, событий, поэтому прозвища конкретных бродяг (автор явно приводит «ключки» реальных людей) превращаются из имен собственных в нарицательные (на что указывает множественное число).

Сингулятивное повествование (в «чистом» виде) заявляет о себе там, где возникает необходимость индивидуализации явлений, такие примеры можно видеть при воспроизведении речи острожников (как правило, в сказовой форме). Очевидно, что автор мог не записывать дословно ответы преступника, но они выглядят как подлинные, единичные и однажды приведенные: «Нешто вам приказано верить-то нашему брату? Знамо вор, был вором и буду вором. Турусы-то на колесах мы мастера городить, на это нас возьми. Побольше слушайте! – злобно ответил мне на напоминание Драгунов» [Соколовский 1866: 5].

Существует мнение, что «дневниковые записки» с их устремленностью к итеративу «автокоммуникативны» («рассказ о повторяющихся событиях не может быть интересен собеседнику и не порождает коммуникативных ситуаций» [Семенова 2019: 58]). По беллетристической «инерции» Соколовский все же изредка нарушает это правило и заявляет (употребляя известный «словесный узор»): «Но недостающее предоставлю дополнить читателю» [Соколовский 1866: 10]. Как видно, в данном случае «общение» с читателем все же создало «коммуникативную ситуацию».

В литературоведении отмечалось, что в художественных произведениях А.П. Чехова присутствует обширный «итеративный текст», например, в работе Н.В. Семеновой приводятся данные о процентном содержании итератива: «...в рассказе «Душечка – 63 % и повести «Скучная история» – 50 %» [Семенова 2019: 57]. Приводятся примеры и «псевдоитератива», которые представлены как явления регулярно происходящие, но на самом деле они если и повторяются, то с существенными вариантами. Данная нарративная ситуация подчеркивает мысль Чехова о «рутинности существования» [Семенова 2019: 58].

В «Острове Сахалине» соотношение итератива и сингулятива, «псевдоитератива» и «псевдосингулятива» также заслуживает особого внимания, так как помогает уточнить идеологическую позицию автора «Путевых записок» и некоторые аспекты поэтики его произведения.

В письме А.С. Суворину от 28 июля 1893 г. Чехов сообщает, на наш взгляд, о главном нарратологическом принципе рассматриваемых «записок»: «То, что Вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока, наконец, не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко» [П V, 216]. О том, какие «там свиньи» (то есть домашние и дикие животные, инвентарь, жилища и пр.) говорится чаще итеративом («nП/1И» – *изложить* однажды то, что происходит *регулярно*); о том, каким «чудачком» выглядит и чувствует себя в новой для него среде автор, органично сообщается сингулятивом (повторим женеттовские формулы 1П/1И (однажды изложено то, что случилось один раз) и nП/nП (произошло n раз, о чем рассказано n раз)), так как чувства текучи, вариативны и могут меняться даже в сходных ситуациях. Очевидно, что «псевдоитеративные» нарратологические ситуации возникнут в том случае, когда много раз произошедшее потребует «единичного» изложения, содержащего точные (или новые) детали. Сингулятив имеет массу оттенков, и (как мы уже показали на соколовском тексте) может быть «мнимым», так как на него часто «наступает» итератив, ведь Чехову важно группировать типичные образы (даже очень яркие и неожиданные), ситуации, создавать некую классификацию (самый яркий пример – заполненные автором, со слов каторжан и поселенцев, карточки).

На первых же страницах «Записок» можно видеть основные типы итеративного и сингулятивного повествования (которые затем повторяются, создавая определенный ритм), а также их синтетические формы. В первом абзаце первой страницы автор сообщает о единичном событии (1П/1И), так как он приехал в определенный населенный пункт впервые, к тому же в определенный день и год: «Пятого июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем» [С XIV–XV, 41]. Как видно, сингулятивное повествование «подкрашено» итеративом, потому что первое (и единичное) впечатление дополняется сообщением о типичном (морозы и нравы в этих местах всегда одни и те же, это величины постоянные), много раз рассказанном, прочитанном, самым ожиданием зловещей каторги. В данном отрывке, пожалуй, соотношение двух видов повествования – 50 % / 50 %. Таких фрагментов очень много особенно в начале «Записок», что объясняется смешанными чувствами автора-«чудака», впервые посетившего этот край: он увидел нечто новое, но примешиваются воспоминания,

книжная информация (известно, что Чехов прочитал массу литературы о Сахалине вообще и о каторге в частности) и нежелание делать скоропалительные выводы. Однако есть множество примеров, где процент сингулятива значительно выше, но появляющаяся итеративная концовка (порой состоящая из одной фразы) нейтрализует впечатление от уникальных единичных фактов, указывает на множественность явлений (n), о которых можно сказать один раз (1И), и в этом случае можно говорить о «псевдосингулятиве». Например, сообщается о посещении «избушки» у мыса Джаоре, куда прибыл «Байкал», о живущем там морском офицере Б., о свежем мясе (редкое явление!), переданном его семье, о шлюпке, скользких камнях, отвесных ступенях, огромном количестве комаров, дремучей тайге, форелях (которые варили вчера). Отдельно рассказано о приятно поразившей автора симпатичной супруге офицера Б.: «Я застал изящно одетую, интеллигентную даму, его жену, и двух дочерей, маленьких девочек, искусанных комарами. В комнатах все стены покрыты еловой зеленью, окна затянуты марлей, пахнет дымом <...>. На стене висят этюды и, между прочим, женская головка, набросанная карандашом. Оказывается, что г. Б – художник» [С XIV–XV, 50]. Как видно, эксклюзивных деталей предостаточно, но одна фраза «угрюмого матроса» переводит фрагмент в разряд итератива: «Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал: – По доброй воле сюда не заедешь!» [С XIV–XV, 51]. За этим замечанием стоит горький опыт человека, старожилы, который указывает «чужаку»-новичку на то, что история семьи г. Б. на самом деле не только очень печальна, но таких историй еще и множество, хотя автор изложил ее один раз. Так проявляется знаменитый чеховский подтекст, который не только в художественном, но и в документальном произведении значительно расширяет объем информации, позволяет читателю «додумать» историю семьи, в какой-то степени стать соавтором.

В «Записках» есть примеры «псевдоитератива» (по замечанию Ж. Женетта, «вследствие богатства и точности деталей» невозможно поверить, что данные сцены имели место «несколько раз без каких-либо видоизменений» [Женетт 1998: 358], поэтому типичность происходящего не может быть понята «буквально»), когда итератив доминирует, но повествование на самом деле носит иной характер. Нарративная риторика следующего фрагмента призвана утверждать, что *интеллигентных* людей «по Амуру» можно встретить очень часто, и предварительно сообщается о трех пассажирах, трех сотнях солдат, офицере и арестантах. Одного из них, закованного в кандалы, сопровождала пятилетняя дочь, к этой группе присоединяются каторжанка, за которой следует супруг и «даже одна баронесса». Далее следует утверждение, окрашенное скрытой чеховской иронией и заставляющее усомниться в ведущей и решающей роли культурных людей, так как они (если и имеются) ничего не могут изменить в жизни девочки, держащейся за кандалы отца: «Читатель пусть не удивляется такому изоби-

лию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент <...> На Амуре есть город, где одних лишь генералов, военных и штатских, насчитывают шестнадцать. Теперь их там, быть может, еще больше» [С XIV–XV, 44–45]. Обилие генералов, число которых, «быть может», увеличивается, также не меняет ситуацию к лучшему.

В чеховских «Записках» итеративный текст возникает при упоминании о «мерном звоне кандалов» (который с утра и до вечера напоминает о месте и времени происходящего), шуме моря, гуле телеграфных проводов, о постоянной тоске по оставленному родному дому («нет родины») в Рязанской губернии или Петербурге. Итератив, как правило, сопровождается маркерами «ежедневно», «постоянно», «постоянный страх», «во всех этих селениях», «это обыкновенно происходит перед вечером» и пр. Вот как описана типичная сцена приезда на каторгу женщин: «Теперь, когда прибывает партия женщин в Александровск, то ее прежде всего торжественно ведут с пристани в тюрьму. Женщины, согнувшись под тяжестью узлов и котомок, плетутся по шоссе, вялые, еще не пришедшие в себя от морской болезни...» [С XIV–XV, 247]. Сами карточки, на которых автор записывал имя, год рождения, место рождения каторжанина, конечно, содержат материал единственный, но их повторяемость (например, часто встречающаяся фамилия «Непомнящий», то есть *не помнящий родства*) также указывает на типичность явлений, и здесь также заявляет о себе итератив.

Во второй половине «Записок» особенно часто встречаются обобщающие примечания, итеративные по своему назначению («один нарративный фрагмент охватывает вместе несколько случаев одного и того же события» [Женетт 1998: 356]): «Туз на спине, бритые половины головы и оковы, служившие в прежнее время для предупреждения побегов и для удобнейшего распознавания ссыльных, утратили свое прежнее значение и сохраняются теперь лишь как позорящие наказания» [С XIV–XV, сноска к стр. 332].

В «Острове Сахалине» присутствует обширный интертекст, характеризующийся сингулятивным повествованием (1П/1И): это, например, цитаты из записок первооткрывателя Императорской гавани, «сподвижника Невельского», невероятно мужественного Н.К. Бошняка, который описал жизнь удивительно благородных и смелых путешественника Г.И. Невельского и его супруги Екатерины Ивановны, переносивших «все лишения геройски». Сообщения о закованной в кандалы Софье Блювштейн (Золотой Ручке), о наказании розгами Прохорова, «Рассказ Егора» (откуда Чехов убрал почти все сказовые фрагменты для избежания беллетризации документального материала) также относятся к *неповторяемым, уникальным* и выдержаны в сингулятиве.

Отдельно следует сказать о природе частых чеховских сравнений, которые отличаются от проанализированных ранее, соколовских.

Чеховский троп в меньшей степени указывает на какие-либо социальные данности и проясняет А через Б вследствие его общей иронической окраски. Иронично сравнение ощущений автора «Записок» с тем, что, *вероятно*, «испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами» [С XIV–XV, 43]. Чехов, как известно, встречался с существами обыкновенными, не имеющим никакого отношения к мифам. Чеховские сравнения скудно питающихся сахалинцев с ирландцами (которые также едят один картофель), ново-михайловских палачей («отодравших» друг друга розгами) – с ядовитыми пауками в одной банке, чиновника без усов, но с бакенбардами – с Ибсеном, приключений героев Майн Рида и злоключений, сопровождающих бытие жителей Сахалина, скорее подчеркивают *абсурдность* жизни каторжан, поселенцев, их охранников и палачей.

Сравнительный анализ произведений Соколовского и Чехова показал, как за 30 лет изменился документальный очерк, освещавший тему острога, каторги. В чеховских «Записках» наблюдается большой отказ от беллетристических приемов, например, сказового повествования. Сравнения, как было показано выше, приобретают ироническую окраску и теряют свою «одностороннюю серьезность». В «Острове Сахалине» гораздо больше повествовательных синтетических форм (соединяющих итератив и сингулятив), нежели в соколовском цикле «Острог и жизнь», что объясняется не только разницей в уровне таланта авторов, но и показывает изменения в сферах идеологических и поэтологических. Интерес развивающегося общества к проблемам преступлений, ссылки, каторги, пенитенциарной системы в целом усиливался благодаря произведениям таких писателей, как Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, С.В. Максимов, Г.И. Успенский, Н.М. Ядринцев. Российское тюрьмоведение значительно обогатилось информацией, собранной западно-европейскими гуманистами, врачами, реформаторами тюрем, посетившими русский Север и Дальний Восток (это Фр. Бедкер, И.В. Каргель, Дж. Кеннан, Г. Лансделл и др.). Что касается эволюции в сферах поэтики, то замеченная А.П. Чудаковым чеховская манера («целостного «неотобранного» изображения мира» [Чудаков 1986: 213], порождающего полифонический, адекватный действительности реалистический текст) распространялась, пожалуй, на весь литературный процесс (по крайней мере, на его значительную часть). Это сказалось и в ныне активно изучаемой «лагерной» литературе второй половины XX века, и в «новой драме» конца XX – начала XXI веков. Актуальность аспектов поэтики и проблематики чеховского «Острова Сахалина» подтверждается в многочисленных работах (Л.Р. Бахтияровой, Т.В. Ивановой, О.Н. Проваторовой, Е.К. Созиной и др.), где с большим тщанием изучены образы, сопровождающие описание «жесткого арестантского халата», имеющие большое значение в поддержании демократического развития общества.

Литература

- Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2 т. Т. 1-2. М., 1998.
- Семенова Н.В. Роль итеративного повествования в повести А.П. Чехова «Скучная история» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология, 2019. № 3 (62). С. 57-61.
- Соколовский Н.М. Острог и жизнь (Из записок следователя). М., 1866.
- Чудаков А.П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М., 1986.
- Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016.

Шпилевая Галина Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Shpilevaja G.A. – doctor of philology, associate professor, professor of the Department of theory, history and method of studying Russian and Literature Voronezh State Pedagogical University

Горбацевич Ольга Алексеевна – магистрант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Gorbacevich O.A. – Master's student of the Department of Theory, History and Method of Teaching Russian Language and Literature of the Voronezh State Pedagogical University.

Dane kontaktowe / Contact details:

*Горбацевич Ольга Алексеевна, 394007, Россия, г. Воронеж, ул. Ильича, д. 75 кв. 51.
Gorbacevich Olga Alexeevna, 394007, Russia, Voronezh, Iljicha st., 75, ap. 51.*

*Шпилевая Галина Александровна, 394036, Россия, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 31, кв. 5.
Shpilevaja G. A., 394036, Russia, Voronezh, Studencheskaja str., 31, ap. 5.*